

Е.Р.ДАШКОВА И СЛОВАРЬ ЕЕ ЭПОХИ

В год 275-летия Академии наук в выставочном зале музея им. В.И.Вернадского проходила выставка РАН «Наука — людям». У стенда «Лексикография» всех привлекал блестящий парадный портрет Екатерины Романовны Дашковой¹. Именно этот портрет стал негласной эмблемой выставки, где современная Российская академия наук и ее региональные отделения Сибири, Дальнего Востока, Урала держали отчет по экологии, космосу — земле — океану — недрам, биологии, медицине, химии, физике, новым материалам и технологиям не только перед ее двадцатым президентом, академиком Юрием Сергеевичем Осиповым, но и перед первым президентом и основателем Российской Академии наук Екатериной Романовной Дашковой.

Так случилось, что именно от этого почти единственного гуманитарного стенда «Лексикография», от портрета Е.Р.Дашковой, для Ю.С.Осипова и сопровождающих его членов президиума и иностранных гостей Академии начался осмотр выставки.

Вопросов было много.

— Кто создавал Словарь Академии Российской? — спрашивают у стенда ученые. — А кто создавал Россию и ее науку в XVIII веке?

— В начале века эти силы были вокруг Петра I — именно он подписал указ 8 февраля 1724 года о создании Санкт-Петербургской Академии наук, и она достойно представила Россию на международной сцене в век эволюции русского языкового и культурного строительства, содействуя утверждению за ним имени «Век Просвещения».

Петровская реформа азбуки (1710) размежевала церковную и гражданскую письменность. Открывались пути для введения в государственный обиход простой русской речи. Не только перестройка уклада, но и этот стихийный процесс сделали достаточно бурным XVIII в. Реформы Петра I, направленные на сближение с Европой, ускорили ход событий и с созданием образовательных структур, школ, семинарий, нужна была новая учебная литература, нужны были академические научные силы, чтобы выработать научную терминологию, адекватно передающую европейские достижения, да и собственные исследования, которые по традиции в Академии наук тогда писались на латыни. Гений М.В.Ломоносова являл собою блестящее сочетание талантов: естествоиспытатель, физик, химик. Он был и выдающимся филологом, поэтом, он был собирателем слова, с которым работал как ученый. Идеи создания *словарей своей эпохи* идут от Санкт-Петербургской Академии наук.

— Во второй половине века создание новой России, ее академической науки, словарного дела, литературы осенила своим вниманием Екатерина II.

Стремясь «в краткое время распространить просвещение всякому состоянию соответственное», она поняла, что «насаждение училищ» «...обильнейшие приносит плоды, когда науки на природном языке юношеству преподаваемы будут»². Екатерина подписала указ о создании Академии Российской 21 октября 1783 года — «чтобы усовершенствовать и возвеличить русское слово» — значилось в Уставе. По ее указу обе

¹ На выставке была представлена копия картины неизвестного художника XVIII в. «Портрет Е.Р.Дашковой» из собрания музея Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Копию выполнила художник Е.А.Белова-Романова по заказу Московского гуманитарного института им. Е.Р.Дашковой.

² Словарь Академии Российской 1789 года издания (далее: САР 1789). Часть I. Предисловіе.

Академии возглавила тогда Екатерина Романовна Дашкова, вернувшаяся к тому времени из длительного путешествия известным общественным деятелем, принятым при европейских царствующих домах и ученых обществах, высоко оцененной европейской наукой и культурой личностью.

У президента РАН Ю.С.Осипова есть еще несколько минут. И привлекают на стендах и другие портреты лексикографов — и Владимир Иванович Даль (1801–1872), и Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), и Сергей Иванович Ожегов (1900–1964)...

А вопросы все о Дашковой и ее эпохе:

— Была ли Дашкова среди авторов словаря или только возглавляла этот проект как Президент Российской Академии наук?

— Что показал Словарь Академии Российской, каким был XVIII век в России, завершившийся этим словарем? Как адаптировалась Русь—Россия среди европейских стран? Это ли было главным для создателей словаря или составители были сосредоточены на тех имманентных процессах в русском языке, которые надо было учесть в первую очередь, чтобы в XIX веке этот литературный язык стал известен как «великий и могучий, правдивый и свободный...»

Как скажут позднее, «язык следует всегда за Науками, за Художествами, за Просвещением, за нравами и обычаями»³. Словарь не создает языка, но почти лопманское искусство словарников состояло в правильном выборе русла, в отборе словника, представляющего те слои общества, которые вырвались с Петром Великим к построению новой России, и те новые просторы, которые открылись в деятельности Екатерины Великой, в ее территориальных освоениях, в укреплении достоинства и культурного потенциала строящейся великой державы.

— Востребован ли словарь современной наукой или сейчас есть иные способы, иные словари, чтобы узнать, как начиналось для России Новое время?

— Переиздавался ли словарь? Ведь так много созвучного в нашей эпохе. Тоже бурный конец бурного века...

Там, на выставке, и родилась идея переиздания замечательного памятника академической лексикографии. Эту огромную задачу взял на себя Московский гуманитарный институт им. Е.Р.Дашковой.

* * *

На перекрестке столетий общество неизбежно подводит итоги своих культурных завоеваний. В систему ценностей культуры каждого народа входят словари и энциклопедии. Среди них есть такие, что составляют эпоху по своей значимости: они отражают эпоху, они формируют ее, они готовят новый взлет, чему-то дают будущее. Они ориентируют нацию на разломах эпох.

Мы приведем здесь два примера, мистически связанных между собою 1789 годом, фундаментальностью творения, компетентностью, общественным энтузиазмом и яркостью исполнителей словарных работ.

Лексикографы во все времена были мыслителями, глубоко вникающими в историко-культурную роль свидетельств живого языка и письменности.

«Энциклопедию наук, искусств и ремесел» начали составлять во Франции в 1750 году. 125 человек «энциклопедистов» (среди них известные мыслители — Д.Дидро, Д'Аламбер, Монтескье) в течение 30 лет обработали 71 тысячу слов, подготовили около 3000 гравюр. Авторитет ее составителей был так велик, что накопленный потенциал идей, фактов, их звучание взорвали общественную ситуацию, и в 1789 году произошла Великая Французская революция, исторические последствия которой испытала на себе не только Франция, но и Россия.

³ Макаров П.И. [рец. на] «Рассуждения о старом и новом слоге...» А.С.Шишкова // Московский Меркурий, 1803. Т. IV. С. 163.

Но в тот год Россия устояла. Она лексикографическими средствами решала свои эпохальные проблемы: 4 августа 1789 г. непрременный секретарь Российской Академии наук И.И. Лепехин объявил о начале издания «Словаря Академии Российской», и Екатерина Романовна Дашкова, основательница словаря, имела возможность написать в Предисловии, что монархиня «учреждением Российской Академии» «отлично благословила дать покровительство Российскому слову», ибо «без полного собрания слов и речей и не определяя точного им знаменования, не можно ни утвердительно сказать в чем состоит обилие, красота, важность и сила языка, ниже пользоваться оными»⁴. Екатерина Романовна лучше других понимала идеологию словаря.

Взбудораженная Петром I патриархальная Русь—Россия порывала с всевластием церковнославянской стихии, уже пронизавшей все древнерусское народное в книжном языке. На церковнославянском языке никто не говорил, а деятельность Петра требовала подвижности, контактности, когда распоряжение, мысль не должны были утонуть в «извитии словес» или понятии превратно. Нужна была экспрессия разговорной речи. Требовалось и «писать как говорят». И Петр I делает предписания Федору Поликарпову переводить книги («Географию Генеральную») «не высокими словами славянскими, но простым русским языком» (1717), Синоду — о составлении катехизиса на «простом» языке (1724). С другой стороны — европеизация, многочисленные переводы текстов, нужных для экономики страны, для обучения наукам юношества. Освоение многоязычной лексики, беглое чтение, беглый перевод требовал и от переводчика ответа на вопрос «как писать или говорить?»: что целиком заимствовать, — и галломания сделалась бедствием — а что передать русским словом, *каким?* «высоким, славянским?» или «низким, подлым», или «средним», «приказным», «посольским слогом»? Петр не может ждать: он собственноручно правит «Лексикон вокабулам новым». А как следует говорить в обществе — ритору, проповеднику, государственному человеку? Как писать, наконец, литератору, драматургу, комедиографу? Словарь должен был дать ответ на эти вопросы, дать свою рекомендацию относительно того, что считать нормой, опираясь на мнения Тредиаковского, Сумарокова, Ломоносова⁵. Они задолго до времени Дашковой, времени создания словаря, задумывались над этими вопросами, разрешали их в своих трудах, но время делало новый поворот.

Е.Р. Дашкова была реалистом. И ею владели другие образы предстоящих забот: перед нею было «поле, подлежащее к возделыванию, едва пределы имеющее»⁶. Она давно готовилась к этой задаче и справилась с ней, вложив весь свой организаторский и политический талант в объединение элитных сил вокруг государственного дела — словаря государствообразующей нации, — и, сделав удивительный по мощи рывок, навсегда утвердила в мире авторитет русской лексикографии.

Словарь Академии Российской написан и издан в феноменально краткие сроки: его делали 11 лет, издавали — в 6 частях — с 1789 по 1794 г. В его составе 43257 слов.

Еще до окончания издания начались восторженные отклики в печати: чешский славист И. Добровский писал, что словарь — это памятник, делающий великую честь молодой Академии. Отзыв 1793 г. анонимного автора, обращенный к Е.Р. Дашковой, гласит: «Россия Вам обязана за словарь свой. Недостатки его исправит время, ибо труд Ваш такого рода, что чрез новые издания оно исправиться и достигнуть возможного совершенства толико удобен. Но и теперь сие хранилище сокровищ Российского языка,

⁴ САР 1789. Часть I. Предисловіе. С. V.

⁵ Умонастроение времени «писать, как говорят» и «говорить, как пишешь», возможно, захватило Екатерину Романовну настолько серьезно, что имя свое она писала «Дашкава» не только в письмах, но в Словаре Академии Российской (в Предисловиях и в др. местах). И так как наше издание — это памятник лексикографии, мы решили это написание сохранить, специально оговорив.

⁶ САР 1789. Часть I. Предисловіе. С. VIII.

сей словарь Ваш есть истинный руководитель как природным россиянам, так и иностранным, желающим научиться языку нашему».

Этот словарь так был запрограммирован, чтобы вылиться потом в алфавитное издание, даже превышающее 1-й словопроизводный тип по количеству слов (51 000). «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный» выходил в 1806–1822 гг.⁷ Он выходил уже без Е.Р.Дашковой, но это было решение задач, поставленных еще ею в первом издании. И потому слова Н.М.Карамзина, сказанные в 1818 году, нужно отнести прежде всего к ее «Словарю Академии Российской» 1789–1794 гг.: «Академия российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка. Полный словарь, изданный академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев. Наша без сомнения счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями»⁸. Личность Е.Р.Дашковой создала этот феномен. Английский посол Джорж Маккартней так говорил о Е.Р.Дашковой того времени: «Эта женщина обладает редкою силою ума, смелостью, превосходящей храбрость любого мужчины, и энергией, способной предпринимать шаги самые невозможные для удовлетворения преобладающей ее страсти»⁹.

Само учреждение Академии Российской, казалось, было предпринято ею ради этого главного шага.

Как известно, 21 октября 1783 года «в первом собрании» членов Академии Е.Р.Дашкова обратилась к присутствующим с речью: «Вам известны обширность и богатство языка нашего. На нем сильное красноречие Цицероново, убедительная сладость Демосфенова, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство и гремящая Пиндара лира не теряют своего достоинства; тончайшие философические воображения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи; однако, при всех сих преимуществах не доставало языку нашему предписанных правил, постоянного определения речениям и непременною словам знаменования. Отсюда происходили «...в сопряжении слов ...несвойственные ...обезображивающие язык наш речения, заимствуемые от языков иностранных ... Обильные летописи, дражайшие памятники деяний предков наших, каковыми не многие из существующих поныне европейских народов поистине хвалиться могут, представляют упражнением нашим обширное поле, на коем в самые сокровенности ...проникнуть возможем: К достижению сего предмета должно сочинить прежде всего Российскую грамматику, Российский словарь, Риторикку и правила стихотворения». Это Программа Академии.

В «Речи» же выделяет она главное: «...сочинение грамматики и словаря, да будет первым нашим упражнением». И как будто клянется: «...Будьте уверены, что я всегда гореть буду беспредельным усердием (истекающим из любви моей к любезному Отечеству) ко всему тому, что нашему обществу полезно быть может»¹⁰.

Она как бы вдохновляет собранных ее порывом первых лиц, богатейших людей государства, страны: подписавшего указ об основании Академии князя А.А.Безбородко, кабинет-министра И.П.Елагина, министра внутренних дел О.П.Козодавлева, управляющего кабинетом ее величества А.В.Олсуфьева, все-сильного Григория Потемкина-Таврического, И.Панфилова, духовника Екатерины, графа Р.И.Воронцова (Е.Р. сама воспитывалась в семье его брата — канцлера елизаветинской России М.И.Воронцова). Она

⁷ Далее: САР 1806.

⁸ Богатова Г.А. Один из русских феноменов. К 200-летию Словаря Академии Российской // Народное образование, 1989. №12. С. 141.

⁹ Цит. по: Державина Е.И. Екатерина Романовна Дашкова // Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / Под ред. Богатовой Г.А. — М.: Наука, 2000. С. 32.

¹⁰ Там же. С. 38–39.

приветствовала в «Речи» не оставшихся в стороне виднейших писателей, просвещенную элиту страны: Г.Р.Державина, Д.И.Фонвизина, Я.Б.Княжнина, Н.А.Львова, И.И.Шувалова, профессоров, деятелей образования — из Московского университета (М.М.Хераскова, И.И.Мелиссино, А.А.Барсова), из Морского кадетского корпуса (В.М.Никитина, П.Н.Суворова), из Санкт-Петербургской Академии наук (физика С.Я.Румовского, математика С.К.Котельникова, естествоиспытателя И.Я.Озерецковского, астронома П.Б.Иноходцева, медика А.П.Протасова) и других замечательных людей своего времени, эрудитов, энциклопедистов, известных историков, экономистов, географов, таких как И.Н.Болтин, П.И.Турчанинов, М.М.Щербатов. Екатерина Романовна и сама активно включилась в работу. Она взяла на себя обязанность предоставить слова на буквы *Ц*, *Ш*, *Щ*, а также слова относящиеся к охоте, управлению государством, слова морально-нравственного плана.

В авторах были члены Академии, отнюдь не филологи: слова на *Г* писал И.Л.Голенищев-Кутузов, адмирал; на *Д* — протоирей Санкт-Петербургского Исакиевского собора Г.М.Покровский; на *Е* — С.Я.Румовский, физик, астроном, вице-президент Академии (в других буквах он описывал все, относящееся к «звездословию»); на *Л* — Д.И.Фонвизин, комедиограф; на *Т* — Г.Р.Державин, бывший не только поэтом, но и генеральным прокурором и потом министром юстиции; на *Ю* — граф А.С.Строганов, Президент Академии художеств; на *Э* — И.И.Шувалов, все тоже очень занятые люди.

Екатерина Романовна не могла допустить недооценки задач или отступления даже с их стороны: «Заведомо лучше нашему обществу разойтись, и Академии перестать существовать..., большая часть соотечественников наших не знает своего языка и неизвестному кому-то кажется, что и исправление оно не нужно. Но нам должно противостоять насмешкам и невежеству и с прилежностью продолжать предпринимаемое нами»¹¹.

Уже 11 ноября 1783 г. «Отдел для начертания правил в сочинении Российского словаря» предложил сосредоточиться на следующих вопросах: «какие слова и речения должны иметь место в Словаре Академии»; «какому надлежит следовать правописанию и какие при каждом слове нужно делать грамматические замечания»; «какие должны быть толкования и объяснения слов».

Поставленные перед создателями Словаря задачи требовали наибольшей полноты. Составителям хотелось заключить все в рамки одного словаря — дать толкования и терминам, и именам собственным, да еще во всех их формах: Иван, Ваня, Ванюшка, Ванюха. Как филолог Фонвизин понимал, что это может завести в сторону от главных задач, взорвать изнутри жанр. «Все эти Ваньки, Агафошки, — в пылу ярости споров говорил он, — ...Да эти тысячи хороши в имени, но не в Академическом словаре». В дальнейшем, как мы знаем, это направление стало самостоятельным лексикографическим жанром — ономастической лексикографией.

Первоначально предполагалось собрать все общеупотребительные литературные слова, все «технические слова наук, художеств и ремесел», т. е. термины, «вместить без изъятия областные слова, каковые токмо до сведения Академии дойти могут и каковых в столицах не находится»¹².

Из иностранных слов предполагалось «удержать те, кои долговременным употреблением усыновлены в языке нашем». Вносились даже предложения дать в словаре имена святых, названия государств «с кратким описанием пределов, климата, местоположения народов, населяющих оные», с тем чтобы «юношеству, употребляющему словарь сей», не сделать ошибки при «производстве» имен отечественных: «француз, неополитанец», или имен прилагательных: «аглицкий, венгерский и проч.».

¹¹ Державина Е.И. Екатерина Романовна Дашкова // Отечественные лексикографы XVIII—XX вв. / Под ред. Богатой Г.А. — М.: Наука, 2000. С. 29.

¹² Рудакова И.Ф. Словарь Академии Российской (1789–1794). АКД. — Л., 1965. С.4.

При обсуждении плана российского словаря, его словника стало ясно, что это предприятие перерастет в обширную энциклопедию, если не сделать определенные ограничения в словнике и способах толкования слов, не повернуть его в русло «этимологического» словаря, который бы давал представление о происхождении коренных слов. Е.Р. Дашкова вообще считала, что «первый словарь какого-нибудь языка должен быть этимологический, так как должно отыскивать и объяснять корни и происхождение слов»¹³. Считалось, что объединение в одной словарной статье слов одного корня уже само по себе объяснит их значение, «сила и знаменование уклонения слов от коренного ... удобнее изъяснены быть могут». Первый словарь Академии Российской стал, таким образом, гнездовым по расположению слов, а не алфавитным. Это предложение при баллотировке получило большинство голосов (38 против 17), и предпочтение было отдано словопроизводному словарю.

Стремление «сократить пространный» привело к разумным ограничениям во включении заимствований (даже Екатерина II, участвовавшая в обсуждении плана словаря, предложила «избегать всевозможным образом слов чужеземных, а наипаче речений, заменяя оные или древними или вновь составляемыми»). Из технических терминов включались «или прямо русские или вновь по российскому корню составленные и ясно вещи выражающие». Областные слова решено было дать только те, которые чем-то предметно обогащают язык или «изяществом своим превосходят слова, употребляемые в столицах». Мы сейчас, конечно, должны себе отдавать отчет, что многие слова в XVIII в. имели совсем иную окраску: даже слова *молодежь*, *неженка*, *огласка*, *быт* — в словаре почитались просторечными.

Есть в словаре и какие-то отклонения от первоначального варианта. Например, названия растений и животных описаны (И.И. Лепехиным) по типу энциклопедических с подробным перечислением свойств растений. Но это статьи, посвященные собственно русским названиям растений. Они написаны таким сочным и прозрачным русским языком, что, пожалуй, стали служить образцами для создания ботанических словарей и отраслевых энциклопедий.

Наступили рабочие напряженные будни в жизни словаря. Еженедельные заседания, дискуссии и, главное, — сбор и обработка первичных материалов, сведенных в аналогические таблицы слов, подбор речений из словарей прошлого, из архивов (Лексикона Памвы Берынды 1627 г., лексикона Трязычного 1704 г., Церковного словаря Петра Алексея 1773 г., из архива Академии наук, из бумаг М.В. Ломоносова и работавшего под его руководством К.А. Кондратовича, из словаря картотеки Богданова и других источников). Об этом в статье В.Н. Макеевой «М.В. Ломоносов — составитель, редактор и рецензент лексикографических работ»¹⁴. Успеху лексикографических работ Российской Академии предшествовала теоретическая разработка вопросов лексикографии, осуществленная М.В. Ломоносовым. Много подношений делали и сами члены Академии.

Для издания и организации работы в Словаре были учреждены три отдела: 1) *Грамматикальный*, 2) *Объяснительный* и 3) *Издательский*.

Грамматикальному отделу было поручено делать все грамматические примечания на слова, принимать решения в неясных случаях. В отдел вошли члены Академии Н.В. Леонтьев, протоиерей Н.И. Красовский, иереи С.И. Исаев, К.К. Сидоровский, Г. Покровский, В.Г. Григорьев и Ф.И. Янкович де Мириево. Вот образчики тех решений, которые им приходилось принимать:

1) При чтении слов, с буквы А начинающихся, рассуждаемо было о именах прилагательных, что они употребляются весьма часто в усеченном окончании, и найдено нужным при каждом имени прилага-

¹³ Богатова Г.А. Один из русских феноменов. К 200-летию Словаря Академии Российской // Народное образование, 1989. № 12. С. 140.

¹⁴ Макеева В.Н. М.В. Ломоносов — составитель, редактор и рецензент лексикографических работ // Вопросы языкознания, 1961. № 5. С. 109–113.

тельном, сугубое (двойное) окончание имеюшем, ставить оба окончания, т. е. полное и усеченное, напр. *Добрый, ая, ое, и Добръ, а, о.*

2) Академия обратила еще внимание на разность употребления в правописании букв *З* и *С*, в сложных словах из предлогов *аз, сз, воз, низ, наз, со*, — в чем не были между собою согласны и двое известных Российских Писателей — Михаил Васильевич Ломоносов и Григорий Васильевич Козицкий: первый держался правописания Славянских и церковных книг, а второй следовал более произведению слов; некоторые же из последующих Писателей, не держа ни того, ни другого основания, в сложных словах из предлогов употребляли без разбора *З* и *С*. По рассмотрении сообщенных о сем Членами Академии различных мнений, Собрание положило следовать одному из оных, основанному на правописании книг церковных, то есть, чтобы перед буквами *б, в, г, д, ж, з, л, м, н, р, с*, ставить букву *з*; например *возбудить, возвратить, возлагать, воздержать, воззывать, возложить, возомнить, вознаграждать, изрещи, возсылать* и проч. Пред согласными же *к, п, т, х, ц, ч* употреблять *с*, например *воскликнуть, воспрять, истребовать, исходить, сцепиться*. В словах же сложных с предлогами *без* и *низ* писать всегда *з*; например *безценный, низпосылать*.

В *Объяснительном* отделе трудились: княгиня Е.Р.Дашкова (председатель) и шесть членов: С.Я.Румовский, И.И.Лепехин, С.К.Котельников, А.П.Протасов, Н.Я.Озерецковский и Я.Б.Княжнин. Их задача — создание дефиниций, ведение стилистических помет. Как пример можно привести рассуждения члена Академии Ивана Никитича Болтина о происхождении слова *Козакъ*. По мнению его, «слово сие происходит от Татарского языка и означало в начале *бродягу, бездомнаго, служащаго другим из платы*. В сем смысле осталось оно донныне между крестьянами в некоторых областях. После привязали к нему смысл *коннаго воина, легко вооруженнаго*, по образу первобытных Козаков, коих татарские Баскаки избирали себе из бродяг. Производить сие слово от имени целаго народа невместно, потому что Косоги, жившие близ Чернаго и Азовскаго морей, также по Дону и Донцу, гораздо были прежде, нежели Татары известны быть стали, и гораздо прежде, нежели название Козаков к воину легкоконному стало быть привязано. Мнение сие произошло от сходства имен *Косоги* и *Козаки*, подобно тому, как *Свевов* и *Шведов, Готов* и *Гетов* почитают за один народ: но и те и другие были народы разные, так как и *Косоги* не суть прародители *Козаков*. Что касается до произношения сего слова: то Донские и Уральские Козаки и Русские мужики выговаривают *Казак*, а Малороссияне *Козак*, но то и другое есть одно: ибо известно, что сии две буквы *А* и *О* во многих случаях одна вместо другой у нас употребляются: разделить же сие слово на два смысла, и название *Козака* оставить военным, а *Казака* батраку или наемнику весьма, по мнению моему, неприлично. Впрочем в Словаре сказать будет довольно, что сии слова двояким образом произносятся и двоякой имеют смысл: общий и употребительнейший смысл есть относящийся к войску, а частный, в некоторых только областях известный, означает батрака, заимствуя оный из первобытнаго смысла сего слова, от Татар вошедшего»¹⁵.

Все достаточно однообразно. И из мелких вещей еще не сложилась общая картина. Состояние лексикографа в такие дни хорошо передал Я.Гримм во Вступлении к Немецкому словарю: «Как снег иногда по целым дням падающий с неба мелкими хлопьями, и, наконец, непомерным слоем покрывающий всю окрестность, так меня засыпает масса слов, которые теснятся ко мне изо всех углов и щелей. Иногда мне хотелось бы подняться и разом все стряхнуть с себя, но через минуту не могу не опомниться. Безрассудно было бы стремиться к менее важным целям и упустить высшую». Так понимали свое призвание замечательные лексикографы прошлого.

¹⁵ Красовский А. Опыт истории императорской российской Академии от основания оной в 1783 году... Сочинение написано в 1839 году по просьбе А. С. Шишкова. Опубликовано в 1848 г. в ЖМНП. С. 59.

Работа спорилась потому, что жизненный путь Е.Р. Дашковой не раз пересекался с идеей создания словаря. Ее попытки в одиночку или в составе ученого общества, группы решить вопросы очищения языка не могли удовлетворить ее ни результатом, ни масштабом. К тому же, видимо, еще не наступило тогда объективно ее время. Век «Просвещения» не набрал еще достаточно сил. Она же была создана для науки и просвещения.

Знание европейских языков и довольно позднее овладение русским (уже в замужестве) сделали особым, зрелым восприятие его и того потока перемен в языке, который хлынул с Петровской эпохой и удержался в Екатерининское время. Шло обмирщение литературы, с одной стороны, освобождение ее от церковнославянских сюжетов и церковнославянского слога, с другой, европеизация жизни, литературы влекла за собой массу заимствований, сочетание которых с обиходной разговорной речью давало чудовищные образцы порчи родного языка, незнание его возможностей. В 1760 г. Сумароков пишет о необходимости «заведения ученого в словесных науках собрания, в котором бы старались о чистоте российского языка и о возвращении российского красноречия». В 1771 г. при Московском университете основали «Вольное российское собрание» — «для исправления и обогащения российского языка, через издание полезных, а особливо к наставлению юношества потребных сочинений и переводов стихами и прозой». Главной его задачей признавалось сочинение правильного российского словаря «по азбуке» (опыт, предведомление). В качестве источников избиралась: «1) сама Россия со своими различными народами и климатами; 2) общие и частные хранилища книг и рукописей; 3) судебные архивы»¹⁶. Среди действительных членов этого Собрания было много титулованных лиц — князей и графов: П.Б. Шереметев, П.И. Репнин, Д.К. Голицын, Е.Р. Дашкова, из Академии — Г.Ф. Миллер, П.И. Рычков, А.А. Карпов. Председателем был И.И. Мелессино, бессменным секретарем — профессор красноречия Барсов, ученик Ломоносова по Академии наук, магистр словесных и философских наук. Вопрос о разработке национального языка оказался сложен для этого состава лиц. Они «отклонились от научно-лингвистической работы в сторону широкой историко-литературной и просветительской деятельности». В трудах этого общества вышло «Описание путешествия Е.Р. Дашковой в Англию». Из деятельности Общества Дашкова вынесла мнение, что словарь в таких литературно-светских кругах составить трудно по несходству мнений, недостатку средств. Общество просуществовало до 1783 г. Известно, что И.И. Мелессино встречался с Е.Р. Дашковой в Европе перед ее возвращением в Россию.

По возвращении Е.Р. Дашкова «создала, используя в полной мере инициативу своих предшественников, новое, более жизнеспособное и более соответствующее своей основной цели научное учреждение, опирающееся на твердую финансовую базу, с прочным и широким контингентом научных работников»¹⁷. Только под опекой государственных лиц первой величины достаточно серьезно мог быть решен вопрос об «очищении русского языка» через создание словаря, который стал бы основой для утверждения русского литературного языка нового времени. Многие из ее сподвижников по «Вольному собранию» с первых же дней стали действительными членами Академии Российской и играли в ней, наряду с Дашковой, не последнюю роль.

Работа спорилась и близилась к концу. Словарные статьи и дефиниции («знаменования») в них стабильны и вполне профессиональны.

В *Издательском отделе* состояли семь членов: И.Л. Голенищев-Кутузов, Г.Р. Державин, О.Н. Козодавлев, В.Н. Никитин, П.И. Суворов, С.Щепотьев, И.Ф. Богданович. При его четкой организованной деятельности (по «летописи» Красовского) издание прошло в такие сроки: I часть А Б В вышла в 1789 г.;

¹⁶ Любименко И.И. Об основании Российской Академии // Труды Института истории и техники. Сер. 1. Вып. 1. 1935. С. 105.

¹⁷ Там же. С. 108.

вторая часть Г Д Е Ж окончена печатанием в декабре 1790 г.; третья — З И К Л в 1792 г. В этом же году словарь постигли тяжелые утраты: скончались Барсов, Болтин, Фонвизин. В 1793 г. издали часть IV — М Н О П; в 1794 г. удалось издать две части: V — Р и С и VI — от Т до Я.

Обстоятельный летописец Опыта истории Академии Российской и Словопроизводного словаря А.Красовский приводит сравнительную ведомость о числе слов, содержащихся в четырех Словарях:

- 1) Лексиконе Славеноросском Иеромонаха *Памвы Беринды*, напечатанном в Киеве в 1627 г. в 4 д. л.¹⁸;
- 2) Лексиконе *треязычном*, изданном повелением Петра Великого в Москве 1704 г., в 4 д. л.;
- 3) *Церковном Словаре* Московского Архангельского Собора Протоиерея *Петра Алексеева*, напечатанном первым тиснением в Москве 1773 г., в 8 д. л., и
- 4) *Словопроизводном Словаре Академии Российской*, изданном в Санкт-Петербурге, в шести частях, в 4 д. л., в 1789, 1790, 1792, 1793 и 1794 гг.

БУКВЫ, с которых начи- наются собран- ные слова:	В ПЕРВОМ Лексиконе Памвы Беринды:	ВО ВТОРОМ Лексиконе (треязычном):	В ТРЕТЬЕМ Словаре (Церковном П.Алексеева):	В ЧЕТВЕРТОМ Словаре Академии Российской (словопроизводном):	БУКВЫ, с которых начи- наются собран- ные слова:	В ПЕРВОМ Лексиконе Памвы Беринды:	ВО ВТОРОМ Лексиконе (треязычном):	В ТРЕТЬЕМ Словаре (Церковном П.Алексеева):	В ЧЕТВЕРТОМ Словаре Академии Российской (словопроизводном):
А	19	198	142	383	Ф	1	29	22	116
Б	264	1521	171	2048	Х	70	152	91	417
В	387	1715	295	3927	Ц	22	70	33	173
Г	118	665	111	1158	Ч	60	281	95	618
Д	175	971	128	1693	Ш	22	116	15	404
Е	43	207	101	363	Щ	19	32	6	154
Ж	63	253	38	313	Ъ	—	—	—	1
З и Э	42	212	90	2226	Ы	—	—	—	1
И	224	676	137	1162	Ь	—	—	—	1
І	1	48	55	26	#	—	6	—	27
К	165	978	227	2344	Э	—	—	—	34
Л	143	312	116	776	Ю	19	30	23	43
М	184	691	224	1443	Я	46	111	47	201
Н	388	1157	286	2363	Ѣ	—	2	1	1
О и W	344	1135	310	3493	Ѧ	—	9	8	1
П	808	3466	558	8456	Ѧ	—	3	8	9
Р	204	754	168	2244	Ѧ	—	11	8	15
С	600	1760	552	3885	ИТАК, на все эти буквы со- брано слов	4981	18801	4476	43257
Т	164	574	199	1116					
У	246	656	211	1622					

В Словарях Беринды, Треязычном и Церковном, Протоиерея Петра Алексеева, помещено множество имен собственных и названий исторических и географических, за исключением которых, как не принадлежащих к словам языка, показанное в VI Ведомости число слов, которое можно сравнивать с количеством слов Академического Словаря, должно значительно уменьшиться [в современных картотеках словарей такие слова составляют до половины или 2/3 общего объема слов. — Г.Б.¹⁹]. Это уменьшение будет еще заметнее, если исключить из треязычного Словаря многие слова, составленные с отрицательной частицейю

¹⁸ Этот Лексикон есть второй у Славенороссов после *Зизаниева*, весьма краткого.

¹⁹ Г.Б. — Г.А.Богатова.

не и некоторыми предложениями, которым, как не составляющим особенных и самостоятельных слов, не дано место в Академическом Словаре, ибо собрание таковых слов, по справедливому замечанию Академии, увеличило бы оный без нужды до чрезмерности. Таким образом, сравнение одного числа слов, содержащихся в четырех Словарях, показывает уже великое превосходство Академического Словаря перед тремя первыми, в этой Ведомости названными. Такое превосходство в трудах представляется, впрочем, весьма естественным, при взгляде на великую разность во времени, — в сравнительном образовании любителей и знатоков языка в XVI в., в начале XVII, в начале и во второй половине последнего XVIII столетия.

А.А.Красовский в 1839 г. пишет о разных событиях, сопровождавших издание словаря: «Словарь Академии, от издания первой части которого прошло почти шестьдесят лет, составляет уже редкое и весьма дорогое сочинение, которое осталось в немногих книгохранилищах и теперь едва ли есть где в продаже...

Вскоре после открытия Академии даны были два Высочайшие именные Указа: первый — на имя бывшего Генерал-Прокурора Князя Александра Алексеевича Вяземского, от 2 Ноября 1783 г., о делании для Академии, на Монетном Дворе, по утвержденному Императрицею образцу, ежегодно по тысяче жетонов серебряных и по одной золотой медали. В 9 статье вышесказанных Правил «положено быть собраниям Академии всякую неделю один раз, и по окончании каждого раздавать присутствующим Членам по жетону, а по прошествии года, в день празднования учреждения Академии, присуждать большинством голосов одному из Членов, отличившемуся трудами и пользою, награду большою золотой медалью».

...Вид жетона, названного впоследствии дариком, есть равносильный четырехугольник. На одной стороне его начертано в круге вензелевое имя Екатерины II, в сиянии и лаврах, с надписью по четырем краям поля: *И м п е р а т о р с к а я Р о с с и й с к а я А к а д е м и я*. На обороте жетона изображен, также в круге, земной шар; на нем представлены: сверху — *Неусыпность* в трудах и бдящая над оными мудрость Афины Греков, или Минервы в виде ночной птицы; в середине шара — *Грамматика*, открывающая разумение языка и общих познаний, под видом ключа; с одной стороны шара — *Витийство* под знаком Меркуриева жезла, с другой — *Стихотворство* в изображении Аполлоновой лиры. Сии три Словесные Науки, составляющие главные предметы занятий Академии, имеют целью и основанием своим просвещение ума, изображенное книгою, положенною под шаром на заветном четырехугольном ковчеге, с начертанием дня основания Академии: *Октябрь 21, 1783 г.* На большой золотой медали представлено с одной стороны изображение Екатерины II, а с другой — вензелевое Ее имя с надписью: *Российскому слову отличную пользу принесшему*²⁰.

...Из 35-ти Членов, более или менее участвовавших в важнейшем и уже конченном Академическом труде, сочинении Словопроизводного Словаря, Академия удостоила увенчать заслуги десятиерых золотыми медалями, с начертанием на каждой права принадлежности ее *принесшему отличную пользу Российскому слову*, наградив оными:

1) Председателя своего *Княгиню Екатерину Романовну Дашкову*, в 1790 г.

Членов Академии:

2) Первенствовавшего Члена, Преосвященного *Гавриила*, Митрополита Новгородского и С.Петербургского, в 1786 году.

3) Генерал-Майора *Ивана Никитича Болтина*, в том же 1786 году.

4) Непременного Секретаря Российской Академии, Академика Академии наук *Ивана Ивановича Лепехина*, в 1784 г. Он из членов Академии был первый, удостоенный сей почести, которой важность

²⁰ Фотографии медали, приведенные далее, предоставлены заместителем директора Государственного Эрмитажа к.и.н. Г.В.Вилинбаховым.

возвышена тем, что награда сия добровольно уступлена ему самим Председателем и потом единогласно утверждена Академиею.

- 5) *Ивана Семеновича Захарова*, в 1789 году.
- 6) Академика Академии Наук *Степана Яковлевича Румовского*, в 1790 году.
- 7) Протоиерея *Иоанна Иоанновича Красовского*, в 1791 году.
- 8) *Дмитрия Михайловича Соколова*, в 1793 году.
- 9) *Петра Ивановича Соколова*, в том же 1793 году, и
- 10) Академии Наук Академика *Петра Борисовича Иноходцева*, в 1794 году.

Положено основание Академической библиотеке, для которой подарены разные книги на русском и церковном языке Председателем и семью Членами, также Профессором Аграмского Университета, что в Кроации [с нем. Загребский университет в Хорватии — Г.Б.], Барышевичем 23 сочинений на разных языках. Общее число званий таковых книг, между которыми были многотомные и несколько в то время редких, составляет пятьдесят пять, сверх коих начальная библиотека приумножена полным собранием книг церковных, напечатанных в Киевопечерской Лавре; последние подарены Академии осьмым Членом ее, Преосвященным Самуилом, Митрополитом Киевским.

...Наконец должно упомянуть с признательностью и о лучшем управлении хозяйственными делами Академии. При употреблении с пользою и приличием определенных на ее содержание денежных сумм из Кабинета Ее Величества, равно как отпускавшихся ежегодно из Монетного Двора золотых медалей и серебряных жетонов, сбережены значительные от всех их остатки. Это сбережение было для Российской Академии весьма полезно: оно послужило к поддержанию ее существования в следующем периоде».

В наследство А.С.Шишкову остались проблемы корнесловов и корневой этимологии, проблемы заимствований. Его «Рассуждение о старом и новом слоге» активно атаквалось Карамзиным и карамзинистами.

Членами Российской Академии Наук при Шишкове стали В.А.Жуковский, Н.М.Карамзин, А.И.Мусин-Пушкин, В.М.Погодин, Н.Ф.Крузенштерн и А.С.Пушкин. Для русской словесности началось иное время, и структуры Академии подверглись реформированию. Санкт-Петербургская Императорская Академия наук составила I Отделение естественных наук. На месте Академии Российской возникло II Отделение русского языка и словесности, III стало Отделение философии и истории, где взросло наше востоковедение. Это слияние произошло в 1841 г.

Труды окончены — труды продолжают. Окончание Словаря совпало с кончиной 6 ноября 1796 г. Екатерины II. Красовский писал в 1839 г.: «Россия оплакивала великую для нее утрату матери отечества, а Российская Академия сетовала вместе и о лишении незабвенной основательницы и покровительницы своей... Академия одолжена Екатерине II своим основанием, дарованными ей приличными способами содержания»²¹.

В V томе опубликована словарная статья Е.Р.Дашковой «ОПАЛА, лы, ж. В старинном употреблении означало жестокий гнев государя противу кого-либо, соединенный с удалением от своего двора, иногда с заточением, с описанием имения и проч.». И всего через два года после публикации этой статьи жестокой опале подверглась сама Е.Р.Дашкова, отстраненная Павлом I от дел после смерти Екатерины II, сосланная и заточенная. Словарь и Академия Российская продолжали жить, заботами тех, с кем начинала работать Е.Р.Дашкова: Н.В.Бакунина (1796–1801), А.Л.Нартова (1801–1813). Издание азбучного Словаря Академии Российской закончилось при президенте А.С.Шишкове (1754–1851) в 1822 г.

²¹ Красовский А. Опыт истории императорской российской Академии от основания оной в 1783 году... Сочинение написано в 1839 году по просьбе А. С. Шишкова. Опубликовано в 1848 г. в ЖМНП. С. 21–23, 82–83.

Так случилось, что в октябрьской книге Журнала Министерства народного просвещения за 1848 г. поместили сразу и очерк А.Красовского «Опыт истории Российской Академии от основания оной в 1783 г. по 1840 г.» и рецензию на «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. восходящего лексикографического светила XIX в. Измаила Ивановича Срезневского, вскоре принявшего на себя обязанности руководителя II Отделения русского языка и словесности. И.И.Срезневский писал о времени Е.Р.Дашковой: «Нельзя не удивляться, как много сделала Академия в один раз — академия, не сильная в своем составе опытностью филологической, не предупрежденная в своей деятельности никакими важными приговорительными трудами. Теперь... можно только с благодарностью вспоминать о благородной решимости членов академии, и, забывая о несовершенствах их труда, глядеть на него, как на начало ученой словарной разработки русского языка».

Он сумел сохранить и как бы воплотить в себе тот бескорыстный, высокопатриотичный и самоотверженный облик лексикографа, какими были его предшественники в стенах Академии Российской.

XVIII ВЕК — ВЗГЛЯД ИЗ XX ВЕКА

Так каким же был XVIII век, в котором был создан Словарь Академии Российской? Какие общественные импульсы легли в основу языковых изменений, потребовавших регламентации процессов, стихийно развивающихся у многомиллионного народа? Почему именно сейчас бурный XX век проявляет острый интерес к бурному XVIII веку, к периоду идей «вхождения в Европу»? И как распределялся этот интерес в течение XX века?

* * *

Язык и литература — два главных показателя в сложении культуры народа. Изучение литературных течений XVIII в. было далеко не равнозначно изученности литературных процессов XIX в. «Вся история новой русской литературы оказалась как бы разделенной на два больших периода, на грани которых стоял Пушкин. Получалось так, — сокрушался Г.Гуковский в обзоре 1933 г. «За изучение XVIII века», — что даже среди многих литературоведов-словесников канонизировалось невежество относительно русской литературы XVIII в. на том основании, что это еще не настоящая литература»¹. Сам Г.Гуковский начал цикл работ по XVIII в. изданием «Русская поэзия XVIII в.» (1927), статьей «К вопросу о русском классицизме» (1928). В статье «Русская критика от Ломоносова до Белинского» А.В.Луначарский считает век Екатерины, а вернее Ломоносова, «детством нашей литературы». Вот его оценки: «Оды — надменная чепуха», трагедии — «бездумная галиматья», если бы не «гордость нуждавшегося в их блеске двора» ... «Сколько бы морали ни содержалось в державинской литературе, — восклицает А.В.Луначарский, — все равно пить этот ужасный квас с примесью заграничного уксуса можно было только скрепя сердце, в иллюзорном сознании крайней его полезности»².

Гуковский был прав, когда говорил о подобных огульных оценках XVIII в. как «несчастных предубеждениях», опровергнуть которые способно только исследование материала, приведение его в известность и некоторую систему»³.

¹ Гуковский Г. За изучение XVIII века. 1933 // Литнаследие, 1969. № 9–10. С. 295.

² Луначарский А. В. Русская критика от Ломоносова до Белинского // «Очерки по истории русской критики». — ОГИЗ, 1929. С. 24.

³ Гуковский Г. За изучение XVIII века. 1933 // Литнаследие, 1969. № 9–10. С. 296.